

Содержание

Предисловие

9

Часть первая

13

Часть вторая

441

Послесловие

741

Указатель

763

Часть первая

1

Многолетний секретарь ЦИК СССР Авель Сафронович Енукидзе не жаждал высшей власти, вполне довольствуясь тем значительным постом, который занимал, и не был столь кровожаден по отношению к однопартийцам, как того требовала обстановка, сложившаяся в стране к середине 1930-х годов. По натуре сей большевик был не слишком “пламенным”, а его высокое положение открывало перед ним множество соблазнов, устоять перед которыми он не мог и не пытался. Будучи, к примеру, убежденным холостяком, любил Авель Сафронович женское общество и по счастливому стечению обстоятельств имел возможность наслаждаться им в полной мере, не опасаясь серьезных последствий.

Находясь формально в подчинении у председателей ЦИК, он — благодаря давнему знакомству — был вхож к Сталину и обласкан им (в декабре 1932 года награжден орденом Ленина, а 27 февраля 1934-го в его честь переименовали Амбролаурский район Грузии в Енукидзинский, а село Амбролаури — в город Енукидзе), чувствовал себя самостоятельной фигурой, не зависящей ни от кого, кроме “хозяина” (к которому обращался на “ты”, а в письмах — “Сосо”). В то время как председатели ЦИК (к примеру, М. И. Калинин, бессменный председатель ВЦИК с 1919 года), занимая высший государственный пост в стране, на практике осуществляли чисто представительские функции и реальной власти не имели, секретарь ЦИК обладал всей полнотой власти над аппаратом Секретариата Президиума

ЦИК (штатная численность на 5 марта 1935 года — 128 человек) да и всего ЦИК; поскольку учреждения ЦИК располагались в Кремле (и частично в здании ГУМа со стороны Красной площади), секретарю в какой-то мере подчинялся и кремлевский комендант (Рудольф Петерсон), и, соответственно, школа ВЦИК, курсанты которой несли охрану Кремля (формально военные, конечно, подчинялись и наркому обороны).

Впрочем, влияние секретаря ЦИК распространялось далеко за пределы бывшей резиденции московских царей. В его ведении были многочисленные дачи, дома отдыха и санатории, которыми пользовались высокопоставленные советские и партийные чиновники. В его ведении были академические театры. В его же ведении находилось распределение значительных сумм, ассигнуемых ЦИК из бюджета на различные расходы, включая так называемые особые (секретные) фонды (часть этих тайных денег шла на поддержание Мавзолея Ленина и его обитателя в “рабочем состоянии”, а остальные — на “материальную помощь” сотрудникам ЦИК и другим полезным и ответственным товарищам).

Только этот факт, вкуче с близостью к “вождю народов”, заставлял множество людей (из всех слоев общества) искать расположения Енукидзе, чем Авель Сафронович тоже находил возможным пользоваться. Холостяцкое положение полностью развязывало ему руки для всяческих столь любимых им амурных интрижек. Был Авель Сафронович тонким ценителем искусств и любил окружать себя женщинами интересными во всех отношениях (поэтому нередко тянуло его отнюдь не к членам партии, а к прелестным созданиям, вышедшим из прежнего высшего общества). Но составить “донжуанский список” Енукидзе можно лишь на основе слухов и сплетен — точных сведений на этот счет не осталось. Сам Енукидзе, уже попав в опалу, большинство обвинений подобного рода категорически отвергал, но ему в этом вопросе тоже полностью доверять нельзя.

Нельзя не отметить, впрочем, что после падения Енукидзе слухи о его амурных похождениях стали циркулировать

с новой силой. В качестве примера можно привести известную и часто цитируемую запись в дневнике Марии Сванидзе, супруги сталинского шурина. Описывает Мария Анисимовна поездку 23–24 июня 1935 года на ближнюю дачу к Сталину, где вождь задал ей вопрос, довольна ли она, что “Авель понес наказание” (еще не были вынесены приговоры по “кремлевскому делу”, но уже прошел июньский пленум ЦК, на котором Енукидзе исключили из ВКП(б)). В ответ раздался, судя по дневниковой записи, страстный монолог:

...Я не верила в то, что наше государство — правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме ЦК, конечно, где всегда всё правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н[аш] быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив, он смрадил всё вокруг себя — ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, оболщание девочек. Имея в своих руках все блага жизни, недостижимые для других, в особенности в первые годы после революции, он использовал всё это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Точно говорить и писать об этом, но, будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на всё более и более юных и наконец докатился до девочек 9–11 лет, развращая их воображение, растлевая их если не физически, то морально.

Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю. Чтоб оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем — шел широко навстречу мужу, бросавшему семью, детей, или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтоб не быть слишком на виду у партии, окружал

себя беспартийными (а аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом “доброто” благотворествовал только тех, кто прямо или косвенно импонировал ему чувственно. Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков — стоило ему поставить интересную девочку или женщину, и всё можно было около его носа разделять¹.

Многие принимают всё сказанное выше за чистую монету, не глядя на свойственные Марии Сванидзе несколько даже истерические преувеличения и ее пиетет перед Сталиным. Но имеет смысл сопоставить эти строки с тем, что она писала в дневнике по итогам первого московского процесса (“объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра”):

... Аркуса, Шлейфера, Радека и др. людей, которых я знала, с которыми говорила и которым всегда не доверяла, не скрывая этого, но то, что развернулось, превзошло все мои представления о людской подлости. Всё — включая террор, интервенцию, гестапо, воровство госуд[арственных] средств, вредительство и разложение вокруг себя, и всё это без политической программы, а только из карьеризма, из алчности, из желания жить, иметь любовниц, заграничные поездки, широкую жизнь и туманные перспективы захвата власти дворцовым переворотом, без опоры на массы, чтоб разрушить то, что создано революцией идей... Эти моральные уроды заслужили своей участи... Как мы могли всё проворонить, как мы могли так слепо доверять этой шайке подлецов! Непостижимо. Они пустили корни в самые ответственные учреждения, они имели заслоны в самых высоких постах. Шутка сказать, Пятаков да и другие. Я вспоминаю все встречи, все фразы, всё случайное, что наблюдала, сопоставляю, перекрещиваю, тяну нити и прихожу к новым и новым людям, которые еще ходят на свободе, но которые, конечно, замешаны

¹ *Иосиф Сталин в объятиях семьи*. Сборник документов. Родина, edition q, Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993, с. 182.

и должны быть выведены на чистую воду. Как же это всё могло жить и отравлять атмосферу своим смрадом больше 10 лет? Непостижимо¹.

Как видим, Мария Анисимовна полностью доверяла официальной пропаганде, но в той же истерической манере дополняла искусственно созданную реальность рядом “особенностей”, известных ей благодаря положению в советском “истеблишменте”. Почти нет сомнений в том, что и предыдущая дневниковая запись строилась не на фактах, а на картине, созданной официальной пропагандой и приправленной эмоциями, которые подпитывались личной антипатией и всевозможными слухами и сплетнями, в изобилии циркулировавшими среди “истеблишмента” того времени за отсутствием даже в этой среде надежной информации. Мы не знаем, почему Мария Анисимовна столь враждебно относилась к Енукидзе, возможно, были и какие-то личные причины, но так или иначе она явно сгустила краски, бичуя его реальные и мнимые пороки.

Оставил воспоминания о Енукидзе и Лев Давидович Троцкий. Будучи в изгнании в Мексике, он в начале 1938 года написал очерк об Авеле Сафроновиче, в котором дал его достаточно детальный портрет:

Енукидзе был политически второстепенной фигурой, без личных амбиций, с постоянной способностью приспособиться к обстановке... человек доброй души... Оратором он не был, но русским языком владел хорошо и, в случае нужды, мог сказать речь с меньшим акцентом, чем большинство грузин, включая Сталина. Лично Енукидзе производил очень приятное впечатление — мягкостью характера, отсутствием личных претензий, тактичностью. К этому надо прибавить еще крайнюю застенчивость: по малейшему поводу веснушчатое лицо Авеля заливалось горячей краской...

¹ *Иосиф Сталин в объятиях семьи*. Сборник документов. Родина, edition q, Берлин, Чикаго, Токио, Москва, 1993, с. 186–187.

Приведенная выше характеристика относится к дореволюционному периоду. Троцкий считал, что Енукидзе не проявил себя стойким большевиком в “годы реакции” после 1905 года и в период между февралем и октябрём 1917-го. А после Октябрьской революции

те “старые большевики”, которые в период реакции порывали с партией, допускались... на советские посты, но не партийные. К тому же у Енукидзе, как сказано, не было никаких политических претензий. Руководству партии он доверял полностью и с закрытыми глазами. Он был глубоко предан Ленину, с оттенком обожания, и — это необходимо сказать для понимания дальнейшего — сильно привязался ко мне. В тех случаях, когда мы политически расходились с Лениным, Енукидзе глубоко страдал. Таких случаев, к слову сказать, было немало.

Не играя сколько-нибудь значительной политической роли, Енукидзе занял, однако, важное место если не в жизни страны, то в жизни правящих верхов. Дело в том, что в его руках сосредоточено было заведование хозяйством ЦИК: из кремлевского кооператива продукты отпускались не иначе как по запискам Енукидзе.

Рассказывая о том, как Енукидзе занимался устройством быта кремлевской верхушки и лично Сталина, Троцкий отмечал, что Авель Сафронович

относился к земляку не только без “обожания”, но и без симпатии, главным образом, из-за его грубости и капризности.

Уверенными мазками рисует Троцкий и послереволюционный портрет Енукидзе:

Енукидзе жил в том же Кавалерском корпусе, что и мы. Старый холостяк, он занимал небольшую квартирку, в которой в старые времена помещался какой-либо второстепенный чиновник. Мы

часто встречались с ним в коридоре. Он ходил грузный, постаревший, с виноватым лицом. С моей женой, со мной, с нашими мальчишками он, в отличие от других “посвященных”, здоровался с двойной приветливостью. Но политически Енукидзе шел по линии наименьшего сопротивления. Он равнялся по Калинин... По своему характеру, главной чертой которого была мягкая приспособляемость, Енукидзе не мог не оказаться в лагере Термидора [то есть Сталина. — *В. К.*]. Но он не был карьеристом и еще менее — негодяем. Ему было трудно оторваться от старых традиций и еще труднее повернуться против тех людей, которых он привык уважать. В критические моменты Енукидзе не только не проявлял наступательного энтузиазма, но, наоборот, жаловался, ворчал, упирался. Сталин знал об этом слишком хорошо и не раз делал Енукидзе предостережения... — Чего же он (Сталин) еще хочет? — жаловался Енукидзе [Л. П. Серебрякову. — *В. К.*]. — Я делаю всё, чего от меня потребуют, но ему всё мало. Он хочет еще вдобавок, чтобы я считал его гением¹.

Подчеркивая терпимость Енукидзе к оппозиции, Троцкий упоминает в очерке и о том, как Енукидзе в 1925 году выделил самолет, чтобы И. Н. Смирнов и Х. Г. Раковский смогли прилететь к нему в Сухуми для переговоров о примирении Сталина с оппозицией. Однако надежды на мирный договор не сбылись. Далее Троцкий описывает роль Енукидзе в ЦКК в период борьбы с “новой оппозицией” (1928 год), указывая, что Авель Сафронович и тогда склонялся к необходимости хоть какого-то примирения в рядах партии. Этого, как известно, и в тот раз не произошло — напротив, оппозиционеры были исключены из ВКП(б) и отправлены в ссылку. В 1929 году Троцкий и сам был выслан из СССР, и ценность его дальнейшего повествования о Енукидзе сходит почти на нет.

В конце 20-х годов Енукидзе уже страдал от ожирения, а в начале 30-х у него на этой почве начались проблемы с серд-

¹ Троцкий Л. Д. *Портреты революционеров*. М.: Московский рабочий, 1991. С. 146.

цем. Здоровье Авель Сафронович, как и многие другие представители кремлевской элиты, предпочитал поправлять в Германии и Австрии (зачастую в клинике доктора Карла фон Ноордена, фактически ставшего “лейб-медиком” при дворе “красного царя”). Работник аппарата ЦИК СССР Михаил Яковлевич Презент записал в своем (ныне знаменитом) дневнике 23 апреля 1929 года:

Сегодня в 1 ч. 10 м. дня вернулся из Германии Ав[ель] Сафр[оно-вич]. Он совсем поправился и, так как сбавил 18 кило (или фунтов?), то выглядит значительно лучше, чем при своей апоплексической толщине. Он поехал домой, переоделся, переменял европейский вид на рубашку и сапоги и пошел на пленум ЦК, куда попал к последнему голосованию. Пришел, когда подымали руки, и поднял руку. Потом с пленума ЦК пришел в ЦИК и рассказывал нам свои германские впечатления. — Ни за что бы не жил в Европе, где живут и работают для единиц, где нет никакой перспективы. Жить можно только в СССР, — сказал А. С. Но, добавил он, только союз Германии и СССР может спасти и ту и другую сторону.

И видимо, ради того, чтобы приблизить этот союз, Енукидзе прилагал все силы, продолжал набирать лишний вес и ездить в Германию от него избавляться. Сталин писал ему туда летом 1933 года с “партийной прямотой”:

У тебя, оказывается, не склероз сердца (“жаба”), как уверяли московские врачи, а ослабление сердеч[ной] деятельности ввиду обилия жира. Это уже не так опасно: нужно сбросить жир — и будешь здоров¹.

Но “сбросить жир” если и удалось Авелю Сафроновичу, то уже отнюдь не в Германии.

¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1999, с. 240.

2

Шестого декабря 1934 года Енукидзе как председатель похоронной комиссии открыл на Красной площади траурный митинг, посвященный памяти Кирова. В кратком выступлении он выразил гнев всего союза трудящихся по поводу “предательского” убийства руководителя ленинградских большевиков. И ни словом не обмолвился о причинах убийства, не помянул и “классовых врагов”.

Это не осталось незамеченным. Близкий к Енукидзе Лев Карахан (в то время полпред СССР в Турции) писал ему из далекой Анкары:

Дорогой Абель, как я волновался, слушая твой голос на Красной площади... твоё короткое слово меня больше всего растрогало, оно было просто, по-человечески сказано, без трафаретных слов, и доходило и должно было дойти до каждого, в отличие от всех других... Несмотря даже на глупый выкрик Мануильского, что мы не умеем плакать, а умеем “мстить”¹.

Если верить отчету “Правды”, Дмитрий Захарович Мануильский (член Президиума Исполкома Коминтерна) сказал: “Но большевики-пролетарии не умеют плакать: они умеют ненавидеть классовых врагов, они умеют претворять свою ненависть в железную волю к новым победам”². О мщении, однако, говорили другие ораторы. Молотов:

Ответим на вылазки наших смертельных врагов беспощадной расправой с контрреволюционными выродками³.

Чудов (секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), заместитель Кирова):

1 *Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг.* М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1999, с. 301.

2 Правда, № 336, 7 декабря 1934 г., с. 2.

3 Там же. С. 1.

Над прахом дорогого вождя, учителя и друга мы клянемся жестоко отомстить за его смерть жалким охвостьям гибнущего старого мира, предательски, из-за угла убившим нашего дорогого товарища¹.

Каганович:

Мы еще решительнее будем расправляться с подлыми врагами, пускающими свои стрелы в самое сердце пролетарской революции².

Атмосферу, царившую в те дни в верхах, отлично передает напечатанное в том же номере “Правды” стихотворение Михаила Голодного “У гроба”:

... Нет, боль и горечь слов
Убийцам нипочем!
И я давно готов
Разящим быть мечом...³

А также заметка пропагандиста Михаила Кольцова “Величие и низость”, заканчивавшаяся следующим пассажем:

А тебя, кровавый зверь, мы уничтожим. Мы задушим тебя, гадина!⁴

Енукидзе же, по всей видимости, были чужды подобные настроения. Историк Мэтью Лено цитирует в своей книге некий документ, полученный им в РГАНИ в 1996 году (не приводя, к сожалению, архивного шифра, который, по его словам, был им безвозвратно утерян, но ссылаясь на имеющуюся у него фотокопию).

1 Там же. С. 2.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 4.